

БЫВАЕТ ЛИ, было ли когда-нибудь так у других — не знаю, но в Петербурге я всегда ловлю себя на том, что именно здесь у меня непременно возникает ощущение связи с минувшим, словно я живу сегодня и тогда одновременно. Моменты, площади-памятники, улицы-памятники, дома-памятники... Предрождественским, предновогодним вечером мы разговариваем с Граниним.

— Пустой постамент, — говорит Гранин, — на площади Дзержинского в Москве для нас, свидетелей августовских событий, — это памятник тому, что произошло. Метафоричный памятник торчит, как торчал обломок наполеоновской колонны в дни Парижской Коммуны. Мне вспомнился запис, сделанный мной в одном чешском городе, — рассказ старого чеха, который неплохо говорил по-русски. В политических волнениях, как ни странно, много места занимали и занимают памятники. Вокруг них бушуют страсти.

После революции 1917 года снесли памятник Столыпину в Киеве, памятник 300-летию дома Романовых в Костроме, множество монументов уничтожили. Долго еще продолжали их сносить, поскольку это простейший вид политической деятельности. В Ленинграде убрали памятник Александру III, несколько памятников Петру, великим князьям, принцу Ольденбургскому, генералу Скобелеву.

Демобилизовался, и определили меня на эту должность. Ну, решил, отдохну — какая может быть работа с памятниками? Только я так подумал — и началось. Пришли немцы, первым делом взялись за памятники, как будто ради другой заботы у них не было, как будто ради этого они захватили нашу Чехо-Словакию. Сняли памятник Масарику! Сняли. Но тут мне Масарика жалко стало — я его на склад отвез и зашил там всякой рухлядью. Через два года коммандатура потребовала на переплавку его отправить. А я говорю: «Сдал уже». И вкратце предъявил. Для немцев главное — бумажку иметь.

Только война кончилась, немцев прогнали, и что вы думаете, с чего начала новая власть? Ставить памятник Масарику. Решили заказывать. А я говорю: у меня есть памятник Масарику на складе, готовый. Достали, почистили, посмотрели — годится. И стали торжественно его открывать: цветы, оркестр... Мне это знакомо. Все, как положено, сделал. Опять покрывало, опять сдернули, опять плакат, речи. В 1948 году коммунисты пришли к Готвальдом. Прежде всего чем занялись? Памятником Масарику. Потребовали убрать его секретно, ночью. Крамом сняли. Хотели и постамент ликвидировать. Я говорю: «Подождем, зачем — хороший постамент, когда-нибудь другого сюда поставим». Масарика я опять на склад, опять закидал. Кого на постамент — думали-рядили, а у меня (откуда-то) лежал бюст Кубелика — это был такой музыкант, скрипач. Я его и предложил. Что вы думаете, поста-

прозрения, год поворота, переворота в психологии. И — год ликвидации центра. СССР перестал существовать. Сколько тут хорошего, сколько плохого — мы еще не знаем, но это произошло.

Несмотря на пророчества, которые рождались в изобилии, несмотря на то, что нам предрекали: вот-вот начнется гражданская война, погромы, бунты и т. д., — мы удержались, хотя имели право на бунт «беспощадный». Имели право.

Так совпало, что в это самое время я вернулся памятью к блокадному Ленинграду. Мы с Алексеем Адамовичем включили в «Блокадную книгу» две главы — о голоде и о «ленинградском деле», которые в прежних изданиях не обнаружены. Наше сегодняшнее ненормальное положение с экономикой, израстающие материальные трудности, продовольственных проблем, опасность голода кощунственно сравнивать с блокадным кошмаром. Но стоит перед глазами послеблокадный, послевоенный быт — с карточками, талонами, очередями, очередями, — полуголодное, полухолодное существование. Та жизнь была озарена радостью победы. Но физически была потруднее, чем нынче, — прозябание в бараках, в общежитиях, в страшной скученности коммунальных квартир. Переносили это иначе. Потому что не страшилось будущего. Оно казалось завоеванным. Сейчас мы его боимся. Сейчас человек оставлен с ним один на один. Навалилось одиночество. Причем оно две беды таит: страх, что ты предоставлен самому себе

ство под выпуск божественных книг — той литературы, с которой пражде неистово боролась. А теперь и священника вызвала, освятила издательство. Это чудовищно выглядело бы, если бы такое кто-то предпринял в этом издательстве раньше. А с другой стороны, беспринципный человек, приспособленец, она все же сейчас тащит телегу. Какая-то подлая диалектика жизни.

— Данил Александрович, а не кажется вам, что в нашем воздухе снова разливаются неверие ни во что, безразличие, апатия?

— То, что делает наша публицистика сейчас, — это посева страхов и апатии.

— То есть? А что же ей, молчать, не рассказывать о трагическом, страшном?

— Вместо того чтобы пробуждать энергию в человеческих душах, ее убивают. Смотрю телевизор, на экране группа публицистов. Один из них извещает, прожигая за рубежом литератор. У нас принято сегодня, что самые почтенные гости и оракулы — те, кто приехал «оттуда». Он и говорит: гляжу на вас и понимаю — у всех, как у героя спектакля «Карьера Артуро Уи», на лице белая краска. Герой этого не видит, но я, зритель, вижу, что передо мною вы, люди, которые погибнут. Говорит это не с ужасом, не с болью, а как зритель в театре: все вы погибнете.

но, Я должен на что-то опираться, я не могу жить среди ужасов прошлого, ужасов настоящего и ужасов будущего. Это пустыня.

— Вы, конечно же, правы, но и несправедливы к журналистам. Печать, телевидение отражают то, что происходит в самой жизни.

— Но в жизни есть не только то, что в статье и на экране. Там мы, например, только пугаем рынком, сыплем на головы бедных граждан град будущих рыночных несчастий. А вот живет под Петербургом энергичный молодой Вячеслав Козырицкий. Он купил ресторан. Это, скажете вы, не хитрое дело, но чтобы его снабжать, он устроил ферму — полторы тыщи голов скота. Это не пример спекулянта или торговца воздухом. Это пример производителя, создателя.

Или, пожалуйста, если брать из министерских сфер, — Николай Воронцов с экологической службой, которую наладить очень трудно, иногда просто в отчаяние можно власть. Тем не менее в этом году она позволила сэкономить стране более миллиарда золотых рублей — благодаря тем экспертизам, которые проводились в Венгрии, когда нам предъявили счет за экологический разор, который, дескать, наша войска учинили. Оказалось, нет, это не совсем так.

Я не призываю написать несколько конкретных очерков, и неверно, что мрачные газетные материалы, передачи на ТВ — это отражение жизни. Что значит «отражение»? Слово чрезвычайно хитрое. Недавно я слушал выступление Жванецкого, он говорил как раз об этом: давайте все-таки радоваться, давайте смеяться, невозможно жить без этого. Люди переполнены злостью, ненавистью, изстолом, что не остается места в сердце для сочувствия, милосердия. Я живу той же самой жизнью, не пользуюсь никакими льготами и привилегиями, и тоже, конечно, много злости и печали у меня. Но услышал Жванецкого — и он мне помог, поддержал дух. Между прочим, подписка на газеты падает, как я думаю, не только оттого, что они дорогие. Это защитная реакция человеческого организма. Он не может больше потреблять ту пищу, которую газеты скормливают нам.

— Но как обойтись без журналистского расследования, разоблачения, жесткого анализа? Сумгаит, Тбилиси, Карабах, Мядинка... беженцы... Как в этот момент писать «позитив»?

— Вы правы, когда-то, на заре перестройки, мужество журналистов состояло в том, что они впервые говорили об этом, рисковали, принимали на себя огонь и остатков цензуры, и партийных надзирателей. Сегодня мужество журналистов, я думаю, состоит в том, чтобы в смутное, злое время найти резервы добра и света, который сохраняется или загорается где-то. Несмотря на попреки коллег, несмотря на жажду журналистского расследования.

— А нашему вичку интересны наши страсти, его волнуют те политические проблемы, которые не отпущают от себя вас, меня?

— Нет, его они мало интересуют. Происходит, как мне видится, отторжение молодого организма, жаждущего красоты и радости жизни.

— Но если это поколение будет искать для себя покой...

— Почему покой? Оно будет искать, может, как раз примеры деятельной и смелой жизни.

— Они нуждаются в этих примерах?

— Обязательно! Я нуждался, моя дочь нуждалась, вы нуждались, особенно молодые испытывают в этом потребность. Надо уметь чувствовать себя счастливыми. Мы привыкли к пессимизму, он кажется нам беспробитным.

— Конечно, человек может ощущать себя счастливым и в самые, казалось бы, нерадостные дни. Бергольц о блокаде писала: «...такими мы счастливыми бывали». Просто общий фон сегодня очень тревожный...

— Стоят на остановке трое парней, хохочут, к ним подходят с разных сторон: «Вы что смеетесь, ребята, расскажите», — и такой я слышал у них спрос на радость, такую ее жажду, какой никогда не было.

— Так долго ждали эту даму прекрасную — Свободу, «каждый день мы приближали, как могли», а в результате...

— Но что делать? Наверно, существует какой-то мировой закон возмездия: люди должны понимать, что все откликнется, и то, что мы сегодня делаем, отзовется на наших детях. И хорошее, и плохое. В Новый год мы желаем друг другу добра и счастья. Подразумевается, что кто-то — Дед Мороз, Судьба — должен нам их доставить. Ныне такая пра пришла — не получать, а давать другим: и добро, и сочувствие, и надежду — то, что еще теплится у каждого.

Даниил Гранин

В Новый год мы желаем друг другу добра и счастья. Подразумевается, что кто-то, Дед Мороз, Судьба, должен нам их доставить. Ныне такая пора пришла — не получать, а давать другим: и добро, и сочувствие, и надежду — то, что еще теплится у каждого.

Уныние - великий грех

Беседу ведет редактор литературно-публицистического отдела «ЛГ» Ирина РИШИНА

Фото Владимира БОГДАНОВА

Зачем сие натворили — о том некоторое время назад стали жалеть: все-таки произведение искусства. Допустим, памятник Александру III оказался вдумчивым творением Трубецкого. То же можно сказать о большинстве уничтоженных по всей России монументов.

Стоял на Литейном проспекте у Куйбышевской больницы памятник принцу Ольденбургскому. Надпись гласила: «Просвещенному благотворителю». Эта больница была построена на его средства, его заботами. Он основал в России первые курсы сестер милосердия. При нем почти вдвое увеличилось число воспитательных домов, детские приюты, женские гимназии — и этим он занимался, и благодарные плиты поставили ему памятник, потом снесли, теперь жалуют.

Новая революционная волна, которая нынче прокатилась по нашей земле, тоже поносила памятники, это можно понять: действительно, страна была заставлена бюстами, монументами Ленина. Но смущает, что, кроме естественного стремления выразить свое негодование, презрение, есть еще другое, подсознательное, — оно начинает проступать спустя время, когда страсти остывают и становится видно желание «исправить» свою историю, приглядеть, замести позорные следы. То есть чем занимались наши историки, тем грешит и толпа: нет, нет, мол, мы хотим оставить нашим внукам и правнукам совсем другие воспоминания о времени и о себе.

— В порыве чувств люди вряд ли думают об этом. Они движут праведный гнев, они хотят расправиться с конкретными личностями как носителями социального зла.

— А в итоге, хотим этого или нет, происходит приукрашивание истории. Но вот послушайте, что рассказал старый чех:

— Моя должность в муниципалитете — смотреть памятников. Ну, в точности не обозначено, чего смотритель, а фактически — по памятникам. У нас в городе их тридцать штук. Это которые в моем ведении. Но есть еще на территории институты и в заводских дворах. В те я не вмешиваюсь, мое дело — городские памятники. Ну, например, если кто кого поведет. Вот у Ленина кепку отломали, сапоги ему красным намазали, С Лениным вообще много происшествий. Я, значит, исправляю, то есть заказываю кепку или чашку сапоги, или надпись привожу в порядок. Но, честно говоря, больше всего сил уходит снимать памятники и ставить их обратно. Снимаем мы тихо, ночью, чтобы людей не беспокоить. Ставим торжественно — с музыкой, цветами, речами. И то, и другое очень хлопотное дело, не поймешь даже, что труднее. Взять, к примеру, памятник Томашу Масарику, президенту нашему. Поставили его сразу после смерти Масарики зимой 38-го года. Я тогда в солдатах служил. Нас назначили в караул почетный при открытии памятника. Я стоял в парадном мундире, смотрел, как сдернули покрывало, все зааплодировали, мы салютовали из ружей. Памятник как памятник. Мог ли я предполагать, сколько же придется с ним намучиться!

вили. Ну, решил, в этот раз навсегда, с этим будет спокойнее. Так и нет! В 1968 году Дубчек — хороший мужик, но первое, что сделала его команда, — приказала восстановить памятник Масарику. Ладно, это мы умеем. Кубелика ночью тихонько перенесли туда, где Запотоцкому хотели памятник соорудить. А Масарика вернули на прежнее место. Оркестр, цветы, речи. Однако я говорю ребятам, чтобы они не цементировали штыри намертво, потому что потом мне придется их пилить, а это, я вам скажу, адская работа. Но они говорят: «Ты что, не веришь в наш строй, в наше обновление?» И зацементировали штыри, да еще как. Не прошло и полтора лет, как Дубчека сняли. Следом команда: Масарика тоже снять. Дубчека снять легко было: нагнали танков, его в самолет, в Москву — и конец. А вы попробуйте пилить штыри. Ночью наконец выдернули, чуть голову не оторвали бедному президенту Масарику. Я его на прежнее место, в склад. Но постамент, говорю, не занимайте. Поставил туда вазу с цветами. А они слушать не хотят: «Ты на что надеешься? Ты тайной сторонник Дубчека?» Чуть меня в политику не замешали.

И вот теперь я уже на пенсии. Недавно вызвали: ставить надо Масарику обратно, где он? Я в склад, вытаскил его, беднягу. А на постаменте уже, оказывается, Готвальд стоит. Готвальда сняли, хотели в дом железный, я говорю: «Пусть полегит на складе, что он вам, мешает?» Водрузили обратно Масарику. Это я вам только про бедного Томаша рассказал. А у них, у памятников, у очень многих, трудная жизнь. Думаете, поставили и стоит себе до скончания века. Не тут-то было...

— Смешно, грустно, трагично... И символично... Мы прощаемся не просто с годом, но с целой эпохой. И Новый год на этот раз воистину новый — начало другой жизни, какой?..

— 1991-й был, по-моему, исключительный год. Произошло как бы окончательное разрушение КПСС. Я уж не говорю, что это был год пуга и всех его последствий. Избавились в основном от мешающих структур, которые отравляли организм нашего общества. Два самых страшных института — КПСС и КГБ — потерпели крушение не только административное: они рухнули в сознании людей.

Это был год Прибалтики, год признания ее независимости. Я помню, как на первом Съезде народных депутатов СССР Балтийские республики начали свой трудный путь к независимости, как, с какой яростью и возмущением давали им отпор. И вот в 1991-м — свершилось!

В этом году мы наконец поняли: должно, непременно надлежит переходить на иную экономическую систему. Не так-то просто это было уразуметь. Люди в большинстве твердо определились, избавились от многих предрассудков, связанных с представлением о рынке, с понятием «частная собственность», особенно в отношении земли. Это был процесс. К этому надо было добираться. Даже такие твердые одолеваются, как отношение к миллионерам, бизнесу, предпринимательству. Так что 1991-й — год

после этой нашей, какой ни есть, а все же коллективной жизни, которая разрушается. И другая беда, второе качество одиночества: не о ком, заботиться.

Есть еще одна сторона, еще один итог, может, не для всех явный, но я все-таки рискну о нем сказать. Мы увидели, что новая система жизни, в которую вступаем, — диктат чисто деловых отношений, коммерческий диктат, власть денег. Мы лишаемся преимуществ, которые имели культура, литература. У нас существовали квалифицированные издательские кадры редакторов. Они разрушаются сегодня. Была плеяда литературно-художественных журналов с «лицом необщим выраженьем». Там кипела, бурлила жизнь не только литературная, но и публицистическая, политическая. И это, увы, утрачивается. Тоже один из итогов — неизбывно печальных, потому что каждая система имеет какие-то свои прелести и свои горести.

— Есть ли у вас основания надеяться, что изменения будут в лучшую сторону? История с отставкой Гавриила Попова, слава богу, не состоявшаяся, разве не свидетельствует, что Система, по существу, не сломлена? В знаменитой своей статье про Зубра и Административную Систему Попов, если помните, писал: Зубр оставил нам не только урок более правильного понимания прошлой эпохи, но и урок на будущее: нельзя уходить от политики, пассивно ждать чего-то. И сам Попов — ученый, эконоимст — ушел с головой в политику, а теперь объявляет: «Зубр вынужден подать в отставку именно потому, что ушел не за кресло, мог бы и дальше в нем сидеть, но обещал своим избирателям-москвичам реформу, а сделать не могу, любое начинание упрекает в противодействие. Ну разве это не та же Административная Система — просто, обличье у нее другое? И с Собчаком разве не так же обстоит? Он ударяется не о ту же стелу?»

— С Собчаком примерно так же. Очевидно, это порок тех взаимоотношений исполнительной и законодательной власти, которые еще складываются. Но если смогли устранить такие структуры, как КПСС и КГБ, то уж с этим-то справимся, наверное.

— А они не перелились туда, в новое чиновное начальство разного рода и калибра?

— Куда и как КПСС перелилась — в этом надо, конечно, разобраться. КПСС вбирала в себя энергичных, умных, толковых людей, и тот же Попов, и тот же Собчак, и тот же Ельцин, да и другие лидеры, на кого мы сегодня уповаем и опираемся, — все бывшие ее члены. И хорошо, что они перелились, надо использовать их знания, умение, опыт. А часть партаппаратчиков, которые ничего делать не умеют, естественно, пристраиваются к демократам, чтобы существовать безбедно.

К этим бывшим деятелям КПСС я отношусь с каким-то смешанным чувством. Врагов нашей жизни среди них, как я наблюдаю, не так уж и много. Почему? Потому что они приспособлены. Вот у нас директриса одного издательства, бывшая партийная лама, яростный идеолог. Что она сейчас делает? Быстренько ловко, шустро приспособила издатель-

ство под выпуск божественных книг — той литературы, с которой пражде неистово боролась. А теперь и священника вызвала, освятила издательство. Это чудовищно выглядело бы, если бы такое кто-то предпринял в этом издательстве раньше. А с другой стороны, беспринципный человек, приспособленец, она все же сейчас тащит телегу. Какая-то подлая диалектика жизни.